

Бинты были полностью сняты, обнажая рану.

Хань Цзинь внимательно взгляделся в едва заметные следы зубов на запястье Нин Фу, но не решился коснуться их пальцами. Кровянистые корки вокруг укуса не были очищены до конца — где-то глубже, где-то светлее, — по ним было видно, с какой силой он тогда впился в плоть. Маленькая принцесса, такая изнеженная и хрупкая, приняла на себя этот удар ни за что ни про что. Должно быть, в тот момент она ненавидела его до глубины души.

Он опустил взгляд и тихо спросил:

— Всё ещё болит?

От прикосновения его подушечек пальцев, блуждавших по коже, Нин Фу почувствовала щекотку. Ей был неприятен этот внезапно проснувшийся тон заботы. Прежде, всякий раз, когда они оказывались лицом к лицу, он был полон злобы, а на лице его читалось лишь презрение. Но сейчас его отношение резко переменялось, и это заставило Нин Фу насторожиться.

Она боязливо попыталась отдернуть руку, но он внезапно перехватил её, не давая вырваться, и произнёс:

— Нужно заново нанести лекарство.

Нин Фу тихонько хмыкнула, отвела взгляд и надула губы, после чего с досадой заметила:

— Вчера мне было чертовски больно. Я спасла тебя от смерти, скрыв всё от других, ты что, только поэтому вдруг переменялся в лице?

Хань Цзинь поднял глаза и посмотрел в её полные обиды прекрасные очи. Его голос прозвучал искренне:

— Благодарю принцессу за спасение жизни.

Значит, всё-таки ради того, чтобы отплатить за доброту. Нин Фу почувствовала разочарование и потеряла интерес к разговору, не желая больше позволять ему держать себя за руку.

На этот раз Хань Цзинь не стал препятствовать, лишь спросил:

— Раз ты не стала звать придворных лекарей, то каким средством вчера обрабатывал рану Бо Цин?

Она всё-таки признала, что он — её спаситель.

Нин Фу растерянно моргнула, даже не вслушавшись в его слова, а лишь заметив его дерзкое поведение. Осознав, что происходит, она тут же настороженно отступила на полшага и,

нахмурившись, предостерегла:

— Ты почему снова распускаешь руки?

В конце концов она не удержалась и с капризной жалобой добавила:

— Просто у Бо Цина руки излишне грубые, он несколько раз причинил мне боль, когда бинтовал рану. Если бы я могла найти кого-то другого, кто смог бы мне помочь, я бы ни за что не позволила ему прикасаться ко мне.

Поколебавшись, Нин Фу предпочла не развивать эту тему и лишь недовольно проворчала:

— Кнут, который мне подарил отец-император, ты разорвал. Так что тренировки пока откладываются. Когда я получу новый, мы начнём по-настоящему.

Нин Фу опустила ресницы, глядя в сторону. Ещё два дня назад она и представить не могла, что они будут вот так мирно сидеть друг напротив друга и вести спокойный разговор.

Хань Цзинь замолчал.

Нин Фу поблизости нерешительно раздумывала, стоит ли ей подойти и помочь ему подняться, но побоялась, что он собрался по нужде, а лезть с такой помощью было бы неловко. Пока она пребывала в растерянности, он внезапно задал странный вопрос. Нин Фу опешила и машинально переспросила:

— А ты меня обманывал?

Услышав это, Хань Цзинь поднял руку и слегка коснулся её головы, а затем уголки его губ приподнялись, и на лице не осталось ни следа бывшего благоговения:

— Первое я ещё могу признать.

Нин Фу показалось, что вопрос был задан ни к месту.

— Это подарок отца-императора, конечно, он мой.

Под настороженным взглядом Нин Фу он смущённо спрятал за спину руку, которая только что касалась её, и невозмутимо спросил:

— И как же принцесса намерена меня обучать?

Она ответила:

— Бо Цин сказал, что немного знает медицину и может помочь с обычными болячками. Осмотрев рану, он велел смазывать её соком травы Юйхуэй, чтобы снять отёк. Эта трава живучая, её можно найти в любом обычном саду. Чтобы не привлекать внимания, Бо Цин

тайком пробрался в задний сад Резиденции принцессы, нарвал травы, растолок её и наложил сок мне на рану.

Нин Фу разозлилась и засмушалась одновременно, ей хотелось топнуть ногой от негодования. Она сердито ткнула в него пальцем и отчитала:

— Так поступают только негодяи! Ты, ты действительно груб и невоспитан, тебя ещё учить и учить!

Хань Цзинь промолчал. Он упёрся руками в край тахты и поднялся, но даже эти простые движения дались ему с трудом. По спине мгновенно выступил холодный пот. Его страшно раздражала собственная беспомощность. Нахмурившись, он натянул обувь и, посмотрев на Нин Фу, строго спросил:

— Принцесса, почему вы так легко верите на слово? Не боитесь, что вас обманут?

Она лишь хотела дать ему возможность отдохнуть. Сейчас он только пришёл в себя, слаб и нуждается в восстановлении, так что дело о тренировках можно было и отложить.

Нин Фу поджала губы, колеблясь. Она подумала про себя: если сейчас потребовать, чтобы он безропотно принял десять ударов кнутом, да ещё и в присутствии Принцессы Наньюэ выказал ей должное почтение, не слишком ли жестоко это будет? Да и при их нынешних шатких отношениях он вряд ли согласится.

Он умел притворяться покорным и смиренным. В детстве, чтобы выжить и сохранить жизнь подле Великой государыни, он был вынужден учиться притворству и самоуничижению. Но теперь он так не поступит. Особенно перед Нин Фу — никогда.

Однако в Поднебесной никто не осмелился бы потребовать от Молодого господина Юнцзи склонить голову и признать господина.

Он без всякого стыда и прикрас дерзко произнёс:

— Поистине очаровательно.

Уже давно никто не смел разговаривать с ним в таком тоне. Хань Цзинь чуть приподнял бровь, находя это забавным. Он великодушно не стал спорить с ней и повёл себя так, как она того хотела — почтительно и сдержанно.

Нин Фу, однако, не унималась. Внезапно она стала строгой, совсем как разъярённая кошка, и, приблизившись к нему, надменно заявила:

— А Цзинь, сейчас я — твоя спасительница и твоя госпожа. Ты не смеешь идти против меня, обманывать или водить за нос. Я больше не буду терпеть твои выходки, понимаешь?

— Этот кнут — твой? — внезапно спросил Хань Цзинь.

Хань Цзинь опустил взгляд, не говоря прямо. Тот самый кнут, плетённый из зонтичных нитей, который ценится императорской семьёй Да Ли и хранится в государственной казне — если проследить его историю, именно он был самым первым владельцем. Кнут достался ему как награда от отца-императора после того, как он впервые повёл войска против врага. Но за этот успех он заплатил страшную цену.

Ныне всё изменилось. По воле судьбы этот кнут оказался в руках Нин Фу. Раньше он не верил в предначертанное, но теперь невольно проникся к этому трепетом.

— Эй, ты что, тебе снова плохо? Лицо стало таким бледным.

Нин Фу заметила, как сильно он изменился в лице. Видя, как он закрыл глаза и нахмурился, выглядя совершенно обессиленным, она не выдержала, сама протянула руку, придерживая его за плечо, и с беспокойством сказала:

— Ты только что очнулся, яд ещё не вышел из организма, не стой так долго.

Он стряхнул её руку, не желая показывать слабость.

— Я возмещу тебе кнут.

Нин Фу удивилась:

— Забудь. Как ты сейчас сможешь возместить? Я — принцесса, буду великодушной, так уж и быть, не стану с тебя взыскивать.

Даже если до своих бед он и был сыном богатого купца, сейчас его положение было плачевным. Можно сказать, что у него не осталось ни гроша. Как он мог найти силы, чтобы раздобыть для неё новый кнут?

Но он настоял:

— Это моё дело.

Нин Фу была недовольна его отношением и фыркнула, про себя подумав, что он совершенно не ценит доброту.

Хань Цзинь промолчал. Он медленно доковылял до двери и постучал по дверному косяку, издав довольно громкий звук.

Нин Фу как раз гадала, что он задумал, как услышала шаги Бо Цина. Тот прибежал на шум и, даже не глядя на неё, упал на колени:

— Господин... какие будут указания?

Хань Цзинь невозмутимо ответил:

— Сходи в сад, нарви ещё Юйхуэй, растолки и принеси мне. И посмотри, не завяли ли цветы Тудин вокруг клумбы. Если найдёшь, принеси пять-шесть штук. Быстро.

— Слушаюсь!

Пока Бо Цин уходил, он бросил на Нин Фу лишь один взгляд, самый обычный, как при приветствии. Зато перед А Цзинем он был полон благоговейного страха и даже не смел поднять на него глаз.

Видя это, Нин Фу почувствовала лёгкое ущемление самолюбия: ведь это она здесь хозяйка, но А Цзинь держал себя куда внушительнее, чем она сама.

Догадавшись, что он велел Бо Цину искать лекарство для её раны, Нин Фу великодушно не стала устраивать сцену, лишь многозначительно заметила:

— Похоже, Бо Цин тебя ужасно боится.

Хань Цзинь взглянул на неё, ничего не ответил и направился обратно в комнату.

Нин Фу последовала за ним, не сбавляя любопытства:

— Ты что, жестокий хозяин? Из тех, кто, если что-то идёт не по плану, срывается на прислуге, избивает их до полусмерти в своём доме? Иначе с чего бы ему так тебя бояться?

— Бить кулаками и пинать ногами — пустая трата времени. Я никогда не держу при себе никчёмных людей.

Нин Фу задумалась:

— А если ты ими недоволен, ты их перепродаёшь?

Хань Цзинь без тени эмоций опустил взгляд и ответил:

— Нет, я их просто убиваю. Разве это не избавляет меня от лишних хлопот?

— ...

Нин Фу остолбенела, машинально сделала полшага назад, нахмурившись.

Хань Цзинь усмехнулся:

— Принцесса меня боится?

Нин Фу упрямо вскинула подбородок:

— Я твоя госпожа, чего мне тебя бояться!

Хань Цзинь приподнял уголки губ, больше ничего не сказав, и снова сел на тахту, погрузившись в отдых.

Сейчас в его теле оставались следы яда, сил было мало, и он чувствовал, что тело его подводит. Если бы не Нин Фу, он бы ни за что не стал вести разговоры ни о чём с посторонним человеком.

Нин Фу тоже успокоилась и стала ждать. Прошло около получаса, прежде чем у двери послышались шаги. Не нужно было гадать, кто это — конечно же, Бо Цин вернулся с травами.

Он обошёл ширму, в руках у него были две фарфоровые чаши, в которых уже была растолчённая в кашу зелень.

Он почтительно протянул их. Хань Цзинь принял чаши, мельком взглянул и упрекнул:

— Даже такую мелочь не смог сделать как следует?

Бо Цин опустил голову, не смея ответить.

Хань Цзинь отставил чаши в сторону, взял пестик и принялся сам круговыми движениями перетирать лекарство, стараясь выжать из листьев весь оставшийся сок.

Видя, что Бо Цин стоит на коленях так долго и не смеет подняться, Нин Фу не выдержала. Она встала перед Бо Цином, заслоняя его, и с недовольством указала Хань Цзиню:

— Вы сейчас в моей Резиденции принцессы, так что нечего жить по прежним правилам. Не смей обращаться с Бо Цином так грубо. Как-никак, он теперь мой человек.

Услышав это, Бо Цин, стоявший на коленях, мгновенно покрылся холодным потом. Хотя он и знал, что сердце принцессы милосердно, но некоторые вещи, сказанные ею, были не спасением, а острыми ножами.

— Он — твой человек? — Хань Цзинь перестал толочь лекарство, и в его глазах блеснула злоба. Он поднял взгляд на Нин Фу и тихо спросил: — Ты сама-то спроси его, осмелится ли он признать это.

Спина Бо Цина напряглась, он склонился ещё ниже, не смея издать ни звука.

В жизни он признавал только одного господина — Молодого господина Юнци. Как он мог признать кого-то ещё?

Нин Фу, стоявшая рядом, не заметила перемены в атмосфере и, не задумываясь, ответила:

— Почему не осмелится? Ты ведь тоже мой человек, этого ты не признаёшь?

Хань Цзинь замер, глядя на Нин Фу. Мрачное выражение его лица немного смягчилось.

Нин Фу хлопала своими невероятно яркими и красивыми глазами и, по-детски наивно, продолжала расспрашивать:

— Отвечай, признаёте вы или нет?

Хань Цзинь был загнан в угол её вопросами, отвёл взгляд, сильнее сжал фарфоровую чашу, а кадык его непроизвольно дёрнулся.

Он не хотел, чтобы Бо Цин продолжал стоять здесь на коленях, поэтому, воспользовавшись тем, что внимание Нин Фу было приковано к нему, взмахом руки отослал его прочь. В комнате остались только они двое. Хань Цзиню было нелегко совладать с маленькой принцессой.

— Отвечай же, — капризно поторопила она. Хань Цзинь поймал себя на мысли, что её голос звучит пугающе сладко.

Он отвернулся, слегка кашлянул, чтобы скрыть смущение, под её пристальным взглядом поджал губы и наконец спокойно произнёс:

— Я не служу другим.

Нин Фу склонила голову:

— А себе?

Выросшая в неге и обожании, избалованная принцесса, перед которой все всегда были подобострастны, она не могла смириться с отказом. Поэтому сейчас Нин Фу была настроена решительно — докопаться до истины и вырвать у него признание.

Она думала, что он снова начнёт язвить или вести себя холодно, не желая идти ей навстречу. Но, подумав лишь мгновение, он отвёл взгляд и ответил:

— Признаю.

<http://bllate.org/book/21012/2136234>